

К 80-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГОДОВ В РОССИИ

Н. С. Полищук

ПЕСНИ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революция 1905—1907 годов — первая народная революция эпохи империализма — «пробудила к политической жизни широчайшие массы рабочих и крестьян, другие слои населения, ознаменовала начало нового исторического периода — периода глубоких социальных потрясений и революционных битв»¹. Она способствовала развитию сознательного исторического творчества² и самодеятельности масс не только в сфере общественной жизни (организация массовой политической стачки, создание советов рабочих депутатов, рабочих судов и стачечных касс; сбор денег в пользу политических заключенных, сосланных и их семей и т. п.), но и в художественном творчестве народа. Революционные события нашли, например, своеобразное преломление в народном театре, в частности, в такой его наиболее жизненной форме как ряженье (маскарад). Передовая рабочая молодежь использовала новогодние маскарады 1905—1907 гг. для проведения «политических демонстраций». Ярким примером подобной демонстрации может служить инсценировка, устроенная 31 декабря 1905 г. в Народном доме Надеждинска с целью разоблачения дарованных царем свобод. Началась она с появления в зале «фигуры, опутанной с ног до головы цепями» и с крупной надписью на груди: «Свобода собраний». Затем вошел невысокий человек с большим замком на губах и надписью на груди: «Свобода слова», а за ним — ряженный, изображавший «Свободу печати». Он был увешан газетными листами «с большими белыми пятнами — творчество царской цензуры». Потом показалась группа, иллюстрирующая поговорку «Один с сошкой, семеро с ложкой». Впереди шел «мужичок» в сермяге с маленькой сохой в руках, за ним — заводчик, чиновник, помещик, городской, купец и поп. К этой группе сразу кинулся полицейский и «под гомерический хохот присутствующих увел актеров из народного дома в участок». Став действующим лицом инсценировки, он, сам того не желая, «еще раз подчеркнул ее революционную идею»³. Подобные инсценировки и маскарадные костюмы на злобу дня в те годы можно было увидеть не только в народных домах, рабочих клубах и фабричных казармах⁴, но и в столичном общедоступном маскараде и даже в зале Благородного собрания⁵, что, бесспорно, свидетельствовало о новых веяниях во всех слоях русского общества.

Не менее ярко народная самодеятельность проявилась и в литературном творчестве рабочих, которые пробовали свои силы в различных жанрах. Они писали корреспонденции, очерки и рассказы, басни и стихи, регулярно публиковавшиеся в партийной и профсоюзной прессе.

¹ Постановление ЦК КПСС. О 80-летию революции 1905—1907 годов в России. — Правда, 1985, 3 января.

² Там же.

³ Валек Р. Жизнь в борьбе. Воспоминания о большевистском подполье. Свердловск, 1963, с. 16—17.

⁴ См., например: Д-ский Н. Орехово-Зуево. — Владимирец, 1907, 4 янв., с. 4.

⁵ Обнинский В. Полгода русской революции. Сборник материалов к истории русской революции (октябрь 1905 — апрель 1906 гг.). Вып. 1, М., 1906, с. 84.

В 1905—1907 годах появляется огромное количество новых пословиц, поговорок, частушек и песен, ставших своеобразной летописью революции.

Все это, бесспорно, свидетельствовало об активизации творческого потенциала трудового народа.

Влияние революции на народное песенное творчество было замечено и современниками. Через три года после ее поражения в «Русских ведомостях» появилась статья Н. Ивановича «Новые народные песни», в которой отмечалось, что революция дала особенно много материала для откликов-песенок (частушек). «По новейшим песенкам,—говорилось там,—можно, пожалуй, судить и не об одной нравственной стороне жизни, но и правовой, экономической, общественной, семейной и религиозной. Говоря без преувеличений,—писал далее Иванович,—с 1905 г. народная мысль, вложенная в песенки, проявилась особенно ярко, словно *обострилась*, на темах не совсем обыденной жизни. Здесь уже появились *новые* проблемки, *новое* настроение. Правда, эта новизна просвечивала и раньше, но не в такой яркой форме и притом не носила такой остроты, жгучести»⁶.

Песенно-поэтическое творчество первой российской революции со всей очевидностью показало беспочвенность характерных для буржуазной фольклористики и либерально-народнической критики конца XIX в. утверждений о том, что народная песня гибнет, так как новые песни пошлы, безнравственны, антихудожественны. Полемизируя с подобными взглядами, И. Власов⁷ в статье «О песнях рабочих» упрекал филологов в том, что они «не заметили целой новой области в творчестве народа — песен рабочего». Отметив, что «экономический и социальный переворот в народной жизни, унесший прежние песни... выдвинул на авансцену истории новый класс народа — класс рабочий», Власов подчеркнул: «В среде его представителей рождались и новые, живые и глубокие напевы... рабочий внимательно и зорко следит за всеми проявлениями умственной и общественной жизни родной страны и дает им в стихах ту или иную, иногда очень меткую, оценку с точки зрения интересов рабочего класса»⁸ (курсив мой.— Н. П.).

В советское время песенно-поэтическому творчеству первой российской революции посвящается довольно много статей⁹. Основной источниковой базой для большинства исследований послужили записи советского времени, часто сделанные самими авторами. Поэтому ряд статей одновременно является и публикацией нового материала¹⁰.

В отличие от более ранних работ, настоящая статья основана преимущественно на публикациях 1905—1907 годов. Использованы в ней также и некоторые рукописные сборники тех лет, и воспоминания рабочих и революционеров-профессионалов.

В статье рассматриваются общественные функции и особенности бытования революционных песен в изучаемый период, формирование и состав революционного песенного репертуара города и деревни и, наконец, вариативность песен, являющаяся одним из основных показателей активной творческой жизни, а следовательно, и вхождения песен в быт.

⁶ Иванович Н. Новые народные песни.— Русские ведомости, 1910, 5 дек., с. 5.

⁷ И. Власов — редактор сатирического журнала «Жало», первого органа последовательно пролетарской сатиры, впоследствии известный ивановский краевед.

⁸ Власов И. О песнях рабочих.— Вечерняя почта, 1905, 5 мая.

⁹ См., например: Друскин М. С. Революционная песня 1905 г.— Сов. музыка, 1935, № 12; Эвентов И. Подпольная солдатская поэзия 1905—1907 гг.— Звезда, 1935, № 8; Соколова В. К. Первая русская революция в народном песенном творчестве.— Сов. этнография, 1955, № 1; Полищук Н. С. Идеиные и художественные особенности революционных рабочих песен 1905—1907 гг.— Уч. зап. МГУ, вып. 196, М., 1958; Нутрихин А. И. Сатирические рабочие песни (1905—1907 годы).— Вестник ЛГУ, 1960, № 2 и др.

¹⁰ См., например: Чичеров В. И. Революционные песни 1905 г.— Сов. краеведение, 1935, № 9; Ширяева П. Г. Фольклор фабрично-заводских рабочих в революции 1905 г.— Сов. фольклор, № 7, 1941; *ее же*. Историческая тема в песенном рабочем творчестве 1905—1907 гг.— В кн.: Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян, Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XIII, М., 1951, и др.

Как известно, уже в период борьбы за создание партии нового типа, российская социал-демократия много внимания уделяла пропаганде революционных стихов и песен — одному из наиболее массовых и общедоступных видов агитационной литературы. Пропаганда социализма «посредством песни»¹¹ особый размах приобрела в годы первой российской революции, когда значительно расширилась география изданий революционных «песенников» и еще более активизировалось распространение революционных гимнов, агитационных, сатирических и др. революционных песен и стихотворений с помощью листовок и прокламаций, тиражи которых намного превосходили тиражи сборников¹².

В значительной степени благодаря постоянной пропаганде революционная песня прочно вошла в быт рабочих. В период первой российской революции ее исполнение воспринималось как свидетельство боевого настроения масс, готовности к активным действиям.

Ознакомление с периодикой 1905—1907 годов, рукописными сборниками и отдельными списками песен тех лет, а также с описями вещественных доказательств, отобранных во время обысков у рабочих, с мемуарами участников революции и свидетельствами современников дает основания утверждать, что самой популярной песней первой российской революции была «Марсельеза» П. Л. Лаврова. Без ее исполнения не обходилось ни одно организованное выступление рабочих и крестьян, ни один митинг, ни одно собрание рабочих. Она звучала по всей России. Пели ее хором и по несколько человек, взрослые и дети¹³, в городе и селе, где об исполнении «Марсельезы» сложили известную частушку: «Всей деревней мы пройдем, / „Марсельезу“ пропоем...». Упоминание о ней попало и в трудовую волжскую «Дубинушку», обогатившуюся в годы революции новыми куплетами на злобу дня:

Как в деревне по аврагам,
Мы-ы ходили с красным флагом.
Ой, дубинушка, ухни...

Подходимши, братцы, к лесу,
Затянули «Марсельезу»...
Ой, дубинушка, ухни...¹⁴

Исполнение «Марсельезы» стало своего рода позывными, сигналом к сбору. Интересный эпизод, раскрывающий ее мобилизующую роль, приводится в воспоминаниях одного из руководителей Московского Совета рабочих депутатов М. И. Васильева-Южина.

В конце сентября 1905 г. в Москве у Даниловского монастыря, где по случаю церковного праздника оказалось большое скопление народа, было решено провести «внезапную демонстрацию». Один из ее организаторов начал играть на гармошке. И когда к нему стали подходить гуляющие, он «энергично заиграл рабочую „Марсельезу“, которая тогда считалась самой революционной песней» (курсив мой.—Н. П.). Его товарищи «начали хором подтягивать. Сразу поднялся отчаянный переполох...» Рабочие со всех сторон устремились к поющим. Когда их собралось довольно много, оратор произнес речь, а затем «снова запели рабочую „Марсельезу“ при явной и дружной поддержке всех собравшихся»¹⁵.

Порой пение «Марсельезы» принимало форму политической демонстрации, как, например, летом 1905 г. в Киеве на Крещатике, где полиция металась из одного конца улицы в другой, но так и не смогла поймать поющих. «Поют все,—вспоминал участник этого необычного хора,—а молчат только те, которые находятся около бегающей полиции.

¹¹ Ленин В. И. Евгений Потье (К 25-летию его смерти).— Полн. собр. соч., т. 22, с. 274.

¹² Подробнее см.: Ширяева П. Г. Революционная песня в рабочей печати 1905—1907 годов.— В кн.: Революция 1905 года и русская литература. М.-Л., 1956, с. 384—403.

¹³ См., например: Стражники.— Костромская газета, 1906, 21 мая, с. 3; Степанов В. И. Современные народные собрания, игры, танцы и песни (настужки и другие) в деревне.— Этнографич. обозрение, 1907, кн. 72/73, № 1/2, с. 185; Попов М. Г. Страничка из 1906 года.— В кн.: Помни о прошлом. 1898—1923. Воронеж, 1923, с. 45 и др.

¹⁴ Новые частушки.— Вечерняя заря, 27 сент., с. 3.

¹⁵ Васильев-Южин М. И. В огне первой революции. М.-Л., 1931, с. 64.

Наглядно дается понять властям города, что „идеи на штык не улавливаются”»¹⁶.

Наряду с «Марсельезой» часто пели «Похоронный марш», «Варшавянку», «Смело, товарищи, в ногу», «Дубинушку», «Машинушку». Реже — «Красное знамя»¹⁷ и «Беснуйтесь, тираны»¹⁸, возможно, из-за более сложной мелодии.

Особое место среди гимнических песен 1905—1907 гг. занимал «Похоронный марш» («Вы жертвою пали»), по всей России ставший обязательным компонентом похорон борцов за свободу¹⁹. Исполняя его, рабочие поминали жертвы царизма. Порой и похороны, и поминовение погибших являли собой своеобразный сплав старого и нового — церковного и революционного обрядов. Так, например, осенью 1905 г. на ст. Зима на похоронах рабочих-забастовщиков, убитых карателями, во время траурного шествия попеременно звучали то церковный хор во главе с попом, то рабочий, исполнявший «Похоронный марш»²⁰. Нечто подобное происходило в мае того же года в Екатеринославе, на проведенных по настоянию рабочих панихидах по жертвам «кровавого воскресенья». После панихиды рабочие всюду пели «Похоронный марш»²¹. Осенью того же 1905 г. поминовение павших в борьбе с царизмом на предприятиях Центрального промышленного района уже утратило связь с религиозным обрядом. Он был полностью вытеснен исполнением «Похоронного марша», вместе с которым, как и на похоронах, иногда исполняли и другие революционные песни и прежде всего «Марсельезу». Поминовение борцов за свободу превратилось в безрелигиозный ритуал. Так, например, когда в ноябре 1905 г. на собрании рабочих московской фабрики Цинделя было предложено почтить память погибших борцов, «собрание обнажило головы. Появились во многих местах красные с надписью знамени. Дружно были подхвачены... „Вы жертвою пали“ и „Марсельеза“»²². Тогда же собрание рабочих депутатов Бутырского района Москвы «почтило память товарищей-матросов Севастополя, *пропев три раза* (курсив мой.— Н. П.), „Похоронный марш“»²³. Приведенные примеры, на мой взгляд, достаточно убедительно свидетельствуют о ритуальных функциях «Похоронного марша» в рабочей среде.

Газеты 1905—1907 годов пестрели сообщениями об исполнении революционных песен на демонстрациях и митингах (в перерывах и по их окончании)²⁴, в рабочих казармах и фабричных дворах²⁵, в театрах²⁶ и

¹⁶ Михайлов И. К. Четверть века подпольщика. М.-Л., 1957, с. 146. Аналогичный случай вызова властям исполнением революционных песен в казармах Морозовской фабрики (Тверь) описывает К. С. Суратов (Партии рядовой. Калинин, 1957, с. 85).

¹⁷ Утверждение Е. В. Гиппиуса и П. Г. Ширяевой о том, что в годы первой российской революции «Красное знамя» пела «вся пролетарская Россия» (Гиппиус Е., Ширяева П. Красное знамя.— В кн.: Биография песен. М., 1965, с. 102), мне представляется ошибочным.

¹⁸ Вместе с тем в отдельных местах, например, в Главных мастерских Владикавказской железной дороги, она была одной из любимейших песен рабочих. См.: Черепанин Г. Годы борьбы. Воспоминания старого большевика. [М.], 1956, с. 34.

¹⁹ См., например, описание похорон Н. Э. Баумана в Москве (Орлов П. Русская революция 1905—1906. Давос, 1906, с. 65—66), революционных похорон в Харькове (Шаповалов А. С. В подполье. М.-Л., 1927, с. 208), на ст. Зима в Сибири (Березовский Ф. А. Таежные застрельщики.— В кн.: Под звон кандалный. Новосибирск, 1971, с. 24) и др.

²⁰ Березовский Ф. А. Указ. раб., с. 229. Цит. по кн.: Куклина Е. А. Вольная поэзия в Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1977, с. 119—120.

²¹ Петровский Г. И. Первые бои екатеринославских рабочих.— В кн.: Первая русская... Сборник воспоминаний активных участников революции 1905—1907 гг. М.: Политиздат, 1975, с. 159.

²² Московская газета, 1905, 17 ноября (Из жизни рабочих. У Цинделя).

²³ Московская газета, 1905, 20 ноября (Московская хроника. Собрание рабочих депутатов). См. также: Костромская газета, 1906, 11 июня (По губернии. Кинешма).

²⁴ См., например: Вперед, 1905, 24 (11) янв., с. 9 (Из общественной жизни. Рига); Московская газета, 1905, 11 (24) ноября (Московская хроника); там же, 17 (30) ноября (Из жизни рабочих. Завод Цинделя); там же, 18 ноября (1 дек.), (Русская жизнь. Ярославль); Костромская газета, 1906, 20 июня (Местный отдел. Митинг) и др.

²⁵ Зайкевич В. Кинешма.— Костромская речь, 1906, 19 апр. (По губернии); Ярославские отголоски, 1907, 27 февр. и 3 июля (Городская хроника) и др.

²⁶ Вперед, 1905, 28 (15) февр., с. 11 (Из рабочего движения. Кутаис. Батум).

на студенческих балах²⁷ и т. д. и т. п. Несмотря на запреты и преследования властей, революционные песни становились неотъемлемой частью быта. 2 июня 1906 г. «Костромская газета» в разделе «По губернии» поведала о новом обычае текстильщиков Старой Гальчихи (Кинешемский уезд), которые с конца мая 1906 г. «по вечерам собираются на мосту... речки и поют марсельезу и др. революционные песни». «Северная речь» рассказала читателям о том, что 9 ноября 1906 г. в Ярославле во время жеребьевки новобранцев «временами со двора земской управы, где происходил прием, неслись звуки „Марсельезы“»²⁸. Особенно много сообщений об исполнении революционных песен рабочими публиковалось в большевистской печати²⁹, рассматривавшей песню как один из важных факторов революционной борьбы.

* * *

В 1905—1907 гг. исполнение рабочих революционных песен становится обычным явлением и в общественной жизни сельского населения, преимущественно молодежи. Их пели не только на политических митингах и демонстрациях, но и во время стихийно возникавших «шестивей» молодежи в календарные³⁰ и престольные праздники³¹, на «гуляньях» и посиделках, а также за работою³². Наибольшее распространение революционные песни получили в селениях с издавна развитым отходничеством и расположенных неподалеку от крупных промышленных центров, а также в местах высылки революционеров. «В деревнях Тобольской губ. „Марсельеза“, „Варшавянка“, „Дубинушка“ и другие песни нашей революции,— писал в 1907 г. Б. Радин,—очень распространены. Их знают положительно все. Это, по всей вероятности,— влияние ссыльных, ...песни эти ...уже стали обычным репертуаром у крестьянской молодежи...»³³.

В деревню революционные песни попадали разными путями: их «привозили» приезжавшие на побывку заводские и фабричные, рабочие агитаторы из ближайших промышленных центров, односельчане, бывавшие в городе. Распространялись песни и устно, и письменно — с помощью листовок и прокламаций, реже — песенников, чаще — списков. Порой переписка революционных песен становилась для деревенской молодежи своего рода партийным заданием. Так, например, в 1905—1906 гг. в с. Юрково, Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии крестьянский парень М. Орлов по поручению рабочих-большевиков из Иванова и Ярославля переписывал революционные песни «от руки для разnosки их по всем окрестным селениям». Часть этих песен «передавалась... рабочими устно» и, по словам М. Орлова, они «изменялись и дополнялись при переписках и при исполнении на местах»³⁴. В числе таких варьируемых песен он называет: «О спящем мужике», «За речкой, за быстрой», «Как у нас на троне...», «Всероссийский император», «О семи народных шкурах», «Нагайку», «Вздумал наш Трепов царя удивить» и др.³⁵

²⁷ Там же, 1905, 24 (11) янв., с. 8 (Из общественной жизни Кострома).

²⁸ Северная речь, 1906, 10 ноября (Городская хроника. К приему новобранцев). Аналогичный случай в Нижнем Новгороде описан П. М. Лебедевым (Красные дни в Нижнем Новгороде.— Былое, 1907, № 5, с. 136).

²⁹ См.: Гусев В. Е. Марксизм и русская фольклористика конца XIX — начала XX века. М.—Л., 1961, с. 165—166.

³⁰ Владимирец, 1907, 11 марта (По губернии. Беспорядки в Гавриловом Посаде); Там же, 13 марта (с. Филипповское, Покровского уезда) и др.

³¹ Костромская газета, 1906, 13 мая (По губернии. Ильинская волость, Костромского уезда); Там же, 14 июня (Селище, Костромского уезда); Костромской край, 1906, 22 июня (По губернии. с. Коряково, Костромского уезда) и др.

³² Степанов В. И. Указ. раб., с. 182—185.

³³ Радин [Кнуньянц] Б. Три месяца ссылки и побег.— Образование, 1907, № 9, с. 8—9.

³⁴ Орлов М. Песни революции 1905—1906 года.— Центральный гос. архив литературы и искусства (далее — ЦГАЛИ), ф. 1337, оп. 1, ед. хр. 174, л. 6—6 об.

³⁵ Часть этих песен он опубликовал. См.: Революционные песни 1905 г. в Юрьев Польской деревне (Ивановская область)/Записаны М. Н. Орловым.— Сов. краеведение, 1935, № 9, с. 29—31.

Отмечая широкое распространение в крестьянской среде «революционных песен рабочего пролетариата», И. Власов писал в ноябре 1905 г.: «Так между прочим, сказалось колоссальное влияние пролетариата на всю жизнь нашей родины за последний год»³⁶.

* * *

Новые песни, создававшиеся в 1905—1907 гг. активными участниками революции, по содержанию отчетливо делятся на несколько тематических циклов. Наиболее обширен по количеству текстов цикл песен, тематика которых в настоящее время воспринимается как историческая. Он включает песни о 9 января 1905 г., об отдельных эпизодах революционной борьбы рабочих и репрессиях против них, о восстаниях на Черноморском и Балтийском флотах. Создатели песен, не ограничиваясь беспристрастным изложением событий, определяли их место и роль в общей борьбе народа за свержение самодержавия. Как и гимническая поэзия пролетариата, песни об отдельных эпизодах революционной борьбы помогали широким слоям трудящихся разобраться в окружающей их обстановке и определить свои позиции. Траурные песни первой революции — «Погибшие братья, вам вечный покой», «Реквием» («Вы шли как разумная мирная рать»), «Родина кровью залита» и др. также возникали как отклик на конкретные события, но в силу обобщенности содержания, быстро потеряли с ними связь. Основной мотив траурных песен — утверждение бессмертия борцов, погибших во имя освобождения народа, и вера в его конечную победу. Особое место в революционном песнетворчестве занимали циклы агитационных «солдатских» и сатирических песен.

Поскольку песни первой российской революции, как уже указывалось ранее, не раз привлекали внимание исследователей, я ограничусь рассмотрением преимущественно малоизвестных текстов.

Песни 1905—1907 гг. неотделимы от песен русско-японской войны, ускорившей приближение революции. Война с Японией, легшая тяжким бременем на плечи народа, и позорный мир породили глубокое недовольство во всех слоях населения и в армии. А это создало предпосылки для появления и широкого распространения анекдотов, метких речений, сатирических частушек, песен и стихотворений о русско-японской войне, содержание которых порой перекликалось. Так, например, в начале января 1905 г. в Петербурге был популярен анекдот в форме вопроса-ответа: «Какая разница между японским солдатом и нашим интендантом? — Японец от бири-бири умирает, а интендант от бери-бери процветает»³⁷. В том же ключе освещалась деятельность интендантов и в одной из самых популярных песен русско-японской войны «Дело было под Артуром»³⁸:

Поработал на солдата
Интендантский хоть куда...
«Хороши наши ребята,
Только славушка худа»³⁹

Песни о русско-японской войне распространялись как устно (в частности, их использовали в своих выступлениях большевистские ораторы), так и письменно — с помощью листовок и прокламаций, с которых они переписывались и заучивались наизусть. В Забайкалье,

³⁶ Власов И. О «крестьянской марсельезе». — Московская газета, 1905, 13 ноября, с. 2.

³⁷ Тюменев И. Ф. Дневник. — Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 796, оп. 2, ед. хр. 8, л. 206.

³⁸ Анализ этой и др. песен русско-японской войны см. в статье: Чичеров В. И. Песни и стихи пролетариата в период массового рабочего революционного движения (1890—1907 гг.). — В кн.: Чичеров В. И. Вопросы теории и истории народного творчества. М., 1959, с. 202—205.

³⁹ Стихотворная сатира первой русской революции (1905—1907). (Б-ка поэта. Большая серия). Л., 1969, с. 516.

например, в августе 1905 г. в городах и на станциях среди рабочих и солдат, возвращавшихся с Дальнего Востока, «ходили по рукам» тексты песен, присылаемые из Читы, которые везде распевались. Особенно популярными из них,— по словам современника,— были „От павших твердынь Порт-Артура“... и сатирическая, высмеивающая ... царских генералов, „Было дело у Артура“»⁴⁰. Стихотворение Т. Л. Щепкиной-Куперник «На родине» («От павших твердынь...»), лейтмотивом которого была мысль о связи русско-японской войны с революционными событиями 1905 г., стало «особенно излюбленной песней» и сельской молодежи. Например, в Московской, Тверской и Ярославской губерниях в 1905—1906 гг. ее пели «и парни и девушки, хором и под гармошку и поодиночке и за работою»⁴¹.

В 1905 г. появились и сатирические стихи и песни, связывавшие в единую цепь события русско-японской войны и кровавую бойню, устроенную царскими войсками 9 января 1905 г. в Петербурге. «Победа» над безоружными рабочими трактовалась в них как реванш за поражение в войне. Вскоре после 9 января в Петербурге, по словам С. Г. Струмилина, «пошли по рукам сложенные кем-то сатирические строки:

Вот, наконец, сошел на наши флаги
Победный луч удачи боевой.
Там, в Порт-Артуре, отдали мы шпаги,
Зато на Невском, полные отваги,
Мы ринулись — и выиграли бой»⁴².

С сатирическими песнями о «победе» над народом, шедшим к царю с мольбою «внять голосу страны бесправной», по языку, стилю, образам, идейной направленности смыкаются стихи и песни о последующих злодеяниях верных царских слуг. Среди них наибольший интерес представляют встретившиеся мне в списках «Песня о грозном усмирителе», посвященная генералу Г. А. Мину, командиру лейб-гвардии Семеновского полка, «прославившегося» подавлением декабрьского вооруженного восстания в Москве, «Напутствие героям» — о «подвигах» этого полка и «Москва», по всей вероятности, декабрьская:

Посмотри — все кругом	Тихо все. Лишь порой
Спит насильственным сном.	Выстрел вдруг прогремит,
.....	И над бедной Москвой
Много виселиц в ряд	Смерти стон пролетит... ⁴³
По дороге стоят...	

Если «Москва» выдержана в элегических тонах, то в «Напутствии героям» преобладают гнев и сарказм:

Рвутся визгливо шрапнели,	Бейте их, бейте без шуток,
Резко трещит пулемет,	Гидра крамолы страшна.
Брызги мозгов на панели,	Не оставлять и малюток:
Кровь в водосточках течет...	В них затаилась она... ⁴⁴

Основой «Песни о грозном усмирителе» послужила «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина:

⁴⁰ Васильев Г. А. Из революционного прошлого. Воспоминания. Улан-Удэ, 1958, с. 12.

⁴¹ Степанов В. И. Указ. раб., с. 182.

⁴² Струмилин С. Г. Из пережитого. 1897—1917. М., 1957, с. 196. См. также: Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1957, с. 36; Исаков С. 1905 год в сатире и карикатуре. [Л.], 1928, с. 222.

⁴³ Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), отдел рукописей (далее — ГПБ ОР). Собрание отдельных поступлений. Поступление 1956:38 /Подпольные песни/. 1905 г. Списки, л. 2.

⁴⁴ Нижнетагильский краеведческий музей, фонды, ТМ/3378. Материалы краеведа А. С. Рыкова, № 1 (далее — НТКМ).

Как ныне собирается лейб-генерал
Крестьян усмирить беззащитных;
Их села и нивы во власть он мечтал
Казakov отдать ненасытных...

Но герои здесь иные. Вместо легендарного Олега — «генерал толстокожий» со слоновым сердцем, в котором «лишь лютая злоба ...говорит». Взамен кудесника — «мужик изнуренный», давно привыкший к казацким нагайкам. Генерал требует сказать, «кто к бунтам крестьян подстрекает» и «где хлебы помещиков». Отказываясь отвечать на вопросы, мужик предсказывает генералу кончину от «мстящей руки». Свое пророчество он предваряет социальной характеристикой генерала-тирана с запятнанным кровью именем, для которого «убийство — отрада»⁴⁵. Характерно, что имя генерала ни разу не называется. Но образ настолько выразителен, что не оставляет никаких сомнений отнесенности личности «усмирителя».

По-иному разрабатывалась тема армии в так называемых «солдатских» песнях, созданных революционерами-профессионалами в агитационных целях. Как и вся агитационная поэзия, они распространялись с помощью прокламаций, газет (главным образом нелегальных), списков. «Солдатские» песни были особенно популярны в рабочей и солдатской среде. Сведения об их бытовании иногда проникали даже в легальную печать. Так, в «Местном отделе» близкой к большевикам «Костромской газеты» 27 мая 1906 г. сообщалось, что «Среди нижних чинов местного гарнизона получает распространение ... довольно характерная песенка». Далее приводился текст песни «Стреляй, солдат!».

Наиболее популярными из «солдатских» песен были «Рекрутская» или «Новобранцу» («Вынул ты жребий недалний»), «Солдатская марсельеза» («Отречемся от гнусного долга»), «Мы — братья!» В. Тана-Богораза, «Постой-ка, товарищ!» Симферопольца-эмигранта⁴⁶ и «Стреляй, солдат!». По содержанию, языку, стилю, речевым интонациям они близки к большевистским листовкам для солдат.

«Солдатские» песни разоблачали антинародный характер недавней войны, в которой солдаты гибли не за Родину, а за интересы царя, помещиков и капиталистов. Наиболее отчетливо эта мысль прозвучала в «Солдатской марсельезе»;

Не за веру мы, братья, страдали,
Не отечеству жертву несли,
Мы за то свою жизнь отдавали,
Чтоб богатства злодеев росли⁴⁷.

Но особое внимание в них уделялось раскрытию карательной функции царской армии, превращенной самодержавием из защитницы народа от внешних врагов в его палача, и реакционной роли духовенства, благословлявшего солдат на братоубийственную бойню:

Попы тебя благословят,
Убьешь отца — греха не будет.
Они не врут, коль говорят:
«Бог вашей службы не забудет»⁴⁸.

«Солдатские» песни, рожденные революцией, сыграли заметную роль в революционизировании армии и привлечении ее на сторону восставшего народа. Показательно, что отдельные их мотивы переключи-

⁴⁵ ГПБ ОР, собрание отдельных поступлений..., л. 4 об.— 5.

⁴⁶ Эти песни вошли в сборник: Песни и стихи революции. Солдатский сборник (далее — Солдатский сборник), Казань, 1906.

⁴⁷ Там же, с. 4.

⁴⁸ Костромская газета, 1906, 27 мая (Местный отдел. Из солдатских казарм).

кались не только с листовками для солдат, но и с письмами, посылаемыми рабочими солдатам. Одно из таких писем от 18 августа 1905 г. не дошло до адресата, осев в делах Владимирского губернского жандармского управления. Автор письма, ивановский рабочий, сообщая брату-солдату о недавно закончившейся забастовке иваново-вознесенских текстильщиков, писал: «Мы, рабочие, очень хорошо поняли отчего мы все так плохо живем... Недалеко то время, что мы, рабочие всея России, отстоим те Гражданские права, без которых мы... не можем жить. И вот к етой-то борьбе мы, рабочие, готовимся, а поетому... и прошу тебя, милой мой брат, когда будут тебя заставлять стрелять твои начальники в тех рабочих, то помни, что ете рабочие добиваются гражданских прав, как и мы здесь. И стало быть мы, все рабочие, братья. Мы, все рабочие всея России, и вы, солдаты, тоже наши братья. А наши враги, наши эксплуататоры, у нас с вами, солдат, одне. Враги наши ето те, которые в жизни никогда ничего не делали своими руками, а пьют и жрут слатко, имеют все права и держат весь народ в порабощении, в темноте и рабстве. Вот ете-то наши враги и есть»⁴⁹. Как здесь не вспомнить строки из стихотворения «Мы — братья!» и песни «Стреляй, солдат!». В стихотворении:

Мы — братья! Мы — братья! Мы выросли оба
В нужде, в беспросветной нужде...

Я вышел на бой, но на бой не с тобою,
Тебя же враги повели —
Наполнили сердце нелепой враждою
И властно командуют: «Пли!»⁵⁰

В песне:

Стреляй, солдат, в рабочий люд,
Стреляй, покуда ты в мундире.
Но убивая, не забудь,
В рабочей завтра будешь шкуре.

Стреляй, солдат, коли штыком,
Кусай зубами, бей прикладом,
Но помни в этот миг о том,
Что бьешься ты с голодным
братом⁵¹.

* * *

В 1905—1907 годах революционные песни впервые в истории России становятся подлинно массовыми, народными, что объяснялось ростом революционной сознательности народных масс.

В эти годы всеобщую известность приобретают лучшие, выдержавшие испытание временем песни народников и революционные рабочие песни, созданные до 1905 г., а также песни, частушки⁵² и стихотворения, отразившие наиболее яркие события первой российской революции. В бурные дни 1905 г. переосмысляются некоторые старые и сочиняются новые куплеты «Дубинушки», появляются перетекстовки отдельных рабочих революционных песен, часть которых вскоре начинает варьироваться. Все это — бесспорное свидетельство популярности революционных песен. Ведь вариантами и перетекстовками, как правило, «обрастают» песни, прочно вошедшие в быт, мелодии которых всем знакомы. И не случайно, именно «Рабочая марсельеза» стала родоначальницей нескольких новых песен, появившихся в 1905 г.

⁴⁹ Гос. архив Ивановской области (далее — ГАИО), ф. 337, оп. 1, ед. хр. 28, л. 103 (Пунктуация и разбивка на фразы мои, орфография оригинала. — Н. П.).

⁵⁰ Поэзия в большевистских изданиях 1901—1917. Вступ. статья, составление, подготовка текста и примечания И. С. Эвентова. (Б-ка поэта. Большая серия). Л., 1967, с. 124.

⁵¹ Костромская газета, 1906, 27 мая.

⁵² См. о них: А. Б. [Белозеров]. Новое время — новые песни. — Нижегородский листок, 1906, 11 июня; Политические «частушки». — Вечерняя заря, 1906, 31 авг.; Новые частушки. — там же, 1906, 27 сент.; см. также: Андреевич А. Революция 1905 г. в «частушках» (Памятники устного творчества). — Нижегородское краеведение, 1930, № 1, с. 16—19.

Среди них наибольший интерес представляют казачья⁵³, солдатская и крестьянская, а также новая «Рабочая марсельеза», раскрывавшая роль популярнейшей песни 1905 г. в пробуждении сознания рабочих и объединении их для борьбы⁵⁴.

В годы революции появляется ряд разночтений в каноническом тексте «Рабочей марсельезы» П. Л. Лаврова. Однако они, за редким исключением, не имеют принципиального значения. К числу их можно отнести, например, припев «Марсельезы», бытовавший в 1905—1907 гг. в некоторых уездах Саратовской губернии: «Вставай, поднимайся, рабочий народ,/ Берите дубинки и бейте господ»⁵⁵.

Исключением является и текст, открывающий рукописный песенник 1905 г., хранящийся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В него добавлен новый куплет (первый), представляющий собой переработку идентичного куплета одной из наиболее ранних пролетарских переделок «Марсельезы» Руже де Лилиа, не получившей распространения в устном бытовании. В нем подчеркнута революционизирующая роль «Марсельезы» и раскрывается отношение к ней рабочих:

текст 1898 г.	текст 1905 г.
Есть песнь одна, ее с любовью Везде рабочие поют, Ее крестили люди кровью И «Марсельезою» зовут. Она во Франции родилась, И вот приют себе нашла: В сердцах рабочих поселилась, Весь мир оттуда обошла ⁵⁶ .	Лишь одну только песню с любовью Наш рабочий повсюду поет, Освятит он ее своей кровью, Марсельезой ее он зовет. К нам из Франции песня явилась, И проснуться рабочих звала. Она в сердце у них поселилась На борьбу она их повела ⁵⁷ .

В этом же сборнике есть вариант «Интернационала», в 1905—1907 гг. еще не получившего широкого распространения в России. В рукописи его текст разбит на четверостишия. А в примечании сказано: «После каждого стиха поется:

Лишь мы работники всемирной
Великой армии труда
Владеть землей имеем право,—
Но паразиты — никогда»⁵⁸.

Здесь в качестве припева использовано первое четверостишие третьего куплета, а канонический припев («Это будет последний и решительный бой...») стал третьим куплетом. По всей вероятности, замена была не случайной. Она придавала «Интернационалу» крестьянскую окраску, что было важно в такой крестьянской стране, как Россия.

На ритмико-мелодической основе песни «Смело, товарищи, в ногу» в Ярославле была создана «Первомайская песня» («Грянем мы сомкнутым строем»). На мотив «Варшавянки» исполняли уральскую песню «10 июля 1905 г.» («Сошлись говорить мы о праве своем...»), рассказывающую о реальном факте — гибели рабочего от рук полиции во время демонстрации на Мотовилихинском заводе.

По всей России пели «Крестьянскую Марсельезу», которая уже

⁵³ См.: Куклина Е. А. Указ. раб., с. 129—130.

⁵⁴ Рабочий С. Лукашин. Рабочая марсельеза. — Вечерняя газета, М., 1905, 2 ноября. См. также: Гос. исторический музей, отдел письменных источников (далее — ГИМ ОПИ), ф. 424, ед. хр. 17, л. 87 (почтовая открытка); НТКМ, № 8.

⁵⁵ Архангельская В. К. Рабочие и революционные песни в Саратовском Поволжье. — В кн.: Акимов Т. М., Архангельская В. К. Революционная песня в Саратовском Поволжье. Очерки исторического развития. Саратов, 1967, с. 152.

⁵⁶ Революционная поэзия (1890—1917). 2-ое изд. (Б-ка поэта. Большая серия). Л., 1954, с. 72.

⁵⁷ ГПБ ОР. Собрание отдельных поступлений..., л. 2.

⁵⁸ Там же, л. 7 об.

к ноябрю 1905 г. «широко разошлась среди крестьянства»⁵⁹. Если одним из основных критериев народности песни считать ее вариативность, то «Крестьянская Марсельеза», бесспорно, была народной. Ее публикации 1905—1907 гг., а печатались, как известно, устные варианты песен, различаются и объемом, и содержанием не только основного текста, но и припева.

«Крестьянская марсельеза» исполнялась с припевом «Рабочей марсельезы», в первую строку которого вносились небольшие изменения. Например, «рабочий народ» заменялся на «весь русский народ»⁶⁰. Но создавались и новые припевы:

Вставай, подымайся, народ трудовой,
Потребуй, наш пахарь голодный,
Земли и свободы народной...
Смелей, дружей, вперед! На смертный бой!⁶¹

или

За честь, за свободу, за хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами.
Довольно им властвовать нами.
Вперед, на бой! Вперед, вперед, вперед!⁶²

В ряде публикаций припев отсутствует. Возможно, песня исполнялась без него, хотя более вероятно предположить, что ее пели со всем известным припевом «Рабочей Марсельезы».

Не менее существенные различия встречаются и в основном тексте песни. В одних вариантах нет строк о строительстве школ «по всем деревням» и чтении книжек, восьмистишия «Ведь Россия, что волость большая...», в других — четверостишия «Коровенку (лошадей) за подать продали...». Только в тексте, опубликованном в прокламации Курганской группы Сибирского Союза РСДРП (1906 г.), встречается четверостишие:

Пусть, коль нужно, небесное царство
Царь, попы и дворяне возьмут.
Там им будет полнейшее барство,
А нам землю пускай отдадут!⁶³

Порядок четверостиший в восьмистрочных куплетах меняется⁶⁴. В «Крестьянской марсельезе» встречается много разночтений. Чаще они придают тексту новый смысловой оттенок:

Коровенку продали за подать,	Лошадей отбирают за подать,
Лошаденку за долг барин взял,	Коровенку и ту барин взял.
А без лошади как нам работать?	Без скотинушки как нам работать,
Поп твердит: «Это бог наказал» ⁶⁵	Знай, тверди: «это бог наказал» ⁶⁶ .

Но иногда разночтения меняют смысл. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить заключительные четверостишия разных публикаций «Крестьянской марсельезы». В одних звучит призыв к единству, в дру-

⁵⁹ Власов И. О «крестьянской марсельезе». На исключительную популярность ее в аграрной Саратовской губернии указывает В. К. Архангельская (Указ. раб., с. 153).

⁶⁰ См., например: Песни революции, СПб., 1905, с. 6—7.

⁶¹ Центральный гос. архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР СССР), ф. 1741, оп. 1, ч. 3(1), ед. хр. 13858 (1906 г.).

⁶² НТКМ. № 7.

⁶³ ЦГАОР СССР, ф. 1741, оп. 1, ч. 3(1), ед. хр. 13858.

⁶⁴ Ср., например: Песни русских рабочих (XVIII — начало XX века)/Вступит. статья, подгот. текста и примеч. А. И. Нутрихина (Б-ка поэта. Большая серия). М.-Л., 1962, с. 204—205; Песни борьбы, б. м., б. г., с. 8; Песни и сказки на Онежском заводе. Сборник. Петрозаводск, 1937, с. 71—72; Власов И. О «крестьянской марсельезе».

⁶⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1741, оп. 1, ч. 3(1), ед. хр. 13858 [с. 3].

⁶⁶ Песни и сказки на Онежском заводе, с. 72.

гих — к борьбе, в третьих выражается твердая уверенность в победе народа и гибели его врагов⁶⁷.

Еще больше варьировалась «Дубинушка», количество куплетов в которой колебалось от четырех (в открытке, выпущенной в 1906 г. Всемирным почтовым союзом)⁶⁸ до 26 (в копии рукописного сборника 1905 г.)⁶⁹. В 1905—1907 гг. бытовали возникшие в разные годы куплеты «крестьянские»⁷⁰, «студенческие», «антимилитаристские»⁷¹, о ходынской трагедии⁷² и др. Иногда в «Дубинушку» включались один или три последних куплета «Машинушки» с ярко выраженной антицаристской направленностью. Порой менялось содержание старых куплетов. В новой редакции куплета о предсмертном завещании отца, необычайно популярной в Ростове-на-Дону среди рабочих Главных мастерских Владикавказской железной дороги, вместо «роковой покорности гнетущей судьбе», отец завещает сыну пойти в лес и дубину срубить «на проклятую царскую спину»⁷³.

В ряде вариантов «Дубинушки» по-иному звучал и куплет, выражавший уверенность в том, что народ проснется и поднимется на борьбу. Будущее время в нем было заменено настоящим:

Но пришла та пора и проснулся народ,
Разогнул он могучую спину
И в дремучем лесу на врагов он своих
Выбрал лучше и крепче дубину⁷⁴.

Варьировался и припев «Дубинушки». В Иванове-Вознесенске, например, пели: «Эй, пора, пора народу/Добывать себе свободу./Свободу, свободу, свободу»⁷⁵. В Ростове-на-Дону — «Эх, дубинушка, ухнем/Да по царской спине бухнем./ Подернем, да смажем,/Да пустим»⁷⁶.

Наиболее часто варьировались тексты сатирических песен, что объяснялось и необычайной популярностью их, и устным распространением, и особенностями формы. Многие сатирические песни представляли собой набор отдельных куплетов, связанных только общностью тематики или настроения, что давало широкий простор для импровизации⁷⁷. Кстати, теми же причинами было обусловлено и варьирование «Дубинушки».

О сатирических песнях, бытовавших среди рабочих, известное представление дает «Протокол осмотра вещественных доказательств...», взятых при обыске в начале июня 1905 г. у рабочих фабрики Ясунинских (с. Кохма Шуйского уезда, Владимирской губернии) «Евгении и Анисьи Филипповны Касаткиных и Василия Никитина Купцова». В обнаруженных у них тетрадях «со стихотворениями» наряду с революционными гимнами и маршами оказались также: «Нагайка», «закрывающая в себе несколько дерзких выражений по отношению государя императора», «пародия на национальный гимн... „Боже, царя храни“; заключающая насмешку над государем императором» (л. 290), «„Говорили царю, беден, темен мужик“, с указанием на то, что государю не-

⁶⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1741, оп. 1, ч. 3(1), ед. хр. 13858 [с. 2—3]; *Ширяева П. Г.* Сборник издан в Борисоглебске. — Борисоглебская правда, 1962, 27 марта; Песни борьбы, с. 8.

⁶⁸ ГИМ ОПИ, ф. 424, ед. хр. 17, л. 84.

⁶⁹ Архив сектора народного творчества Института русской литературы АН СССР (далее — Архив ИРЛИ), колл. 1, п. 9, № 24—34, тетр. 2, л. 8 об. — 12.

⁷⁰ Наиболее полно они представлены в нижнетагильском списке (НТКМ, № 16).

⁷¹ «Антимилитаристских» куплетов особенно много в листовке, перепечатанной в сб.: Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья/Сост. *Акимова Т. М., Архангельская В. К.* Саратов, 1969, с. 260—261, № 14.

⁷² Эти куплеты встретились мне только в упомянутом выше тексте, хранящемся в ИРЛИ.

⁷³ *Черепяхин Г.* Указ. раб., с. 35.

⁷⁴ ГИМ ОПИ, ф. 424, ед. хр. 17, л. 84 (почтовая открытка).

⁷⁵ *Косарев И.* Из моих воспоминаний. — На ленинском пути, 1925, № 3, с. 89.

⁷⁶ *Черепяхин Г.* Указ. раб., с. 35.

⁷⁷ На это указывает и *Сергеева К. Е.* в ст. «Революционная песня 1907—1917 гг. в Поволжье (по материалам Нижегородской губернии)». — Русский фольклор, XII, Л., 1971, с. 251.

выгодно воспитывать народ, так как он не будет платить податей»; сатирические стихотворения «Челобитная» и «Былина о Н» (л. 290 об.). Кроме того у них изъяли: рукописные листки с текстами «Камаринской Саввы Морозова» и «сатирическими стихотворениями „раек“, где в смешном виде представляются события из войны Дальнего Востока и действия военного начальства» (л. 291); гектографированную листовку «под заглавием „Песня“ (мотив гейши) начинается словами: „Перед вами царь российской всей земли“ и оканчивается:—„Николай“ лишь на бумаге ставлю сам. Сатирическое стихотворение на государя императора» (л. 293 об.) и литографированную листовку РСДРП «сатирическое стихотворение..., начинающееся словами: „Боже, царя храни, деспоту долгие дни“ и оканчивается: „Пользуйся временем, царствуй над племенем жалких рабов“» (л. 294) ⁷⁸.

Среди сатирических стихов и песен, зафиксированных в «Протоколе...», явно преобладают произведения антицаристской направленности, пользовавшиеся в 1905 г. необычайной популярностью в рабочей среде, что, несомненно, свидетельствовало о принципиальных изменениях в мировоззрении рабочих масс, в глазах которых царь утратил ореол божественности и величия.

Необходимые предпосылки для развития и распространения антицаристской сатиры создало 9 января, когда, по словам В. И. Ленина, «рабочий класс получил великий урок гражданской войны» ⁷⁹. «Первый день русской революции, — писал В. И. Ленин, — с поразительной силой поставил лицом к лицу старую и новую Россию, показал агонию исконной крестьянской веры в царя-батюшку и рождение революционного народа в лице городского пролетариата» ⁸⁰. Этот революционный народ и был основным автором и исполнителем сатирических песен, стихов и куплетов антицаристской направленности.

Не упомянутые в «Протоколе...» популярные в центральном промышленном районе уже в первой половине 1905 г. песни «Доля» («Зимушка-зима», «Трепов-генерал»), «Как у нас на троне/Чучело в короне», «Царь наш с виду жидок» распространялись, видимо, главным образом, устно. Отсюда постоянная изменчивость их текста. «Доля», например, по словам рабочего поэта, председателя первого Совета рабочих депутатов А. Е. Ноздрина, «каждый раз пополнялась новыми куплетами». Приток их был неиссякаем ⁸¹. Как правило, это были двустихия о Николае II, его жене и матери, «дядях и братьях», которые «всем людям—проклятье», а также о ближайших помощниках и наставниках царя. В песню эти куплеты объединялись с помощью припева, тоже варьировавшегося. Но они бытовали и самостоятельно. Например, в декабре 1905 г. в Москве можно было услышать такие куплеты:

Что я вижу, что я слышу:	Витте, Трепов, Дурново
Николай залез на крышу.	Хуже черта самого.
И сказал всему народу:	Скоро скажет им народ:
«Вот вам шиш, а не свободу».	«Ваш черед на эшафот» ⁸² .

По всей вероятности, преимущественно устно распространялась и «Россия», в которой постоянно варьировалась вторая строка припева. Первая, давшая песне название, не менялась. В Сормове «Россию» исполняли с припевом: «Россия, Россия как жаль мне тебя,/Жадные министры ограбили тебя» ⁸³. В Иванове вторая строка звучала иначе: «Черная сотня сгубила тебя» ⁸⁴, а в Москве и Петербурге — «Бедная, горькая

⁷⁸ ГАИО, ф. 337, оп. 1, ед. хр. 26.

⁷⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 201.

⁸⁰ Там же, с. 216.

⁸¹ ЦГАЛИ, ф. 352, оп. 1, ед. хр. 4, л. 34.

⁸² Носков А. Г. Первые баррикады. — В кн.: Великие, незабываемые дни. Сборник воспоминаний участников революции 1905—1907 годов. М., 1970, с. 132.

⁸³ Архив ИРЛИ, колл. 54, п. 2, № 31.

⁸⁴ Записано Д. И. Успенским в Иванове между 1905 и 1914 гг. Текст передан мне дочерью собирателя — Ю. Д. Успенской.

участь твоя»⁸⁵. Бытовала «Россия» и с обновленным припевом студенческой «Нагаечки», легшей в ее основу, в котором была изменена только дата: «Нагаечка, нагаечка, нагаечка моя,/Помни ты, нагаечка, девято января»⁸⁶.

Один из куплетов «России» — «Царь испугался, издал манифест» распевался и как самостоятельная песенка, иногда с добавлением еще одного куплета:

Тюрьмы и пули народу вернули,
Так над свободой поставили крест!⁸⁷

В Центральном промышленном районе была очень популярна «Нагайка» (на мотив «Разлуки»), сложенная в Иваново-Вознесенске. Судя по имеющимся публикациям⁸⁸, широкое распространение получили только куплеты о нагайке, олицетворяющей власть, основанную на подавлении народа. Но в самом Иваново она, как и «Доля», постоянно обновлялась. В тексте «Нагайки», осенью 1905 г. восстановленном по памяти А. Е. Ноздриным и С. М. Проскуриным, есть куплеты и о русско-японской войне, и о таких снискавших худую славу «героях» войны и революции, как Стессель, Витте, казаки-астраханцы. Но и здесь главная мишень сатиры — царь и казачья нагайка — символ не только реакционного казачества, но и царизма.

Нагаечка — нагайка,	Россиюшка — Россия,
Позор страны родной,	Куда же ты годна,
Романовская шайка	Когда твоя защита
Сильна тобой одной.	Нагаечка одна.

Нагаечка — Нагайка,
Уж как ты не грози,
Царить тебе недолго
Осталось на Руси⁸⁹.

Следует признать, что эти куплеты менее выразительны, чем те, что получили широкую известность. Из этого можно заключить, что и в годы революции, как и на протяжении всей истории, народ отбирал в свой активный песенный репертуар наиболее значимые, наиболее выразительные строки песен и в процессе исполнения, видимо, их шлифовал, о чем свидетельствует наличие значительного количества разночтений в песнях 1905—1907 годов.

* * *

Песни первой российской революции многосторонне отразили и обстановку, сложившуюся в России после 9 января 1905 г., и изменение мировоззрения широких народных масс, произошедшее под влиянием «кровавого воскресенья» и последующих репрессий царских властей. Порожденные событиями революции, став достоянием широких масс, они были острым, разящим оружием в классовой борьбе рабочих. «В этих боевых песнях революции, — вспоминал Ф. Н. Самойлов, — рабочий люд черпал энергию, волю и упорство в борьбе, веру в неизбежную победу рабочего дела»⁹⁰. Гегемоном революции 1905—1907 годов, вождем всех трудящихся масс впервые в истории выступил рабочий класс. И песни, популярные в среде рабочих, стали ведущими в репертуаре всех слоев трудящихся, а также сочувствующих революции студентов, учащихся, интеллигенции.

⁸⁵ Розеноер С. Что мы делали в 1901—1906 гг. М., 1933, с. 171.

⁸⁶ Петрищев А. О бытовой революции. — Русское богатство, 1906, кн. VIII, с. 116.

⁸⁷ Одинцов Д. Я. Искра, которая зажгла пожар... — В кн.: Великие, незабываемые дни, с. 19.

⁸⁸ См.: Красное знамя. Песни революции — песни ненависти. Тифлис, б. г. [1917], с. 7; Самойлов Ф. Н. По следам минувшего, изд. III, М., 1954, с. 85; Песни русских рабочих, с. 173 и др.

⁸⁹ ЦГАЛИ. ф. 352, оп. 1, ед. хр. 4, л. 36, 37.

⁹⁰ Самойлов Ф. Н. Указ. раб.. с. 85.